

ГОЛОСЪ КРЫМА

Литературно-торгово-экономическая газета.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Рукописи по усмотрѣнію редакціи сокращаются и исправляются.

Присылаемая рукописи должны быть написаны четко на одной сторонѣ бумаги съ обозначеніемъ адреса автора.

Рукописи безъ обозначенія гонорара — счищаются бесплатными.

На отвѣтъ — прилагать марку.

Плата за объяв.

отъ лицъ, фирмъ и деіій, отъ мѣста, емаго строкъ по одному столбцу за разъ на 1-й страницѣ на 4-й страницѣ 20 к.

Для лицъ, вносящихъ труда объявленія на 4-й страницѣ за 1 разъ 20 коп.

Контора открыта ежедневно, кромѣ дней праздничныхъ отъ 9—2 час. дня и отъ 5—7 час. вечера.

О ЧЕХОВѢ^{*)}.

(Изъ записной книжки).

Съ увѣренностью можно сказать, что Чеховъ, болѣе чѣмъ кто-либо, показалъ всю гибкость, красоту, изящество и разнообразіе русскаго языка. Однако, онъ никогда не прибѣгалъ къ выковыванію новыхъ, искусственныхъ словъ. Заслуга его въ томъ и заключается, что онъ, не переставая, учился языку, гдѣ только могъ. И нельзя утверждать, что эта незримая работа давалась ему очень легко. Юношескіе его рассказы далеко не свободны отъ южно-русскихъ оборотовъ и рѣченій, между тѣмъ какъ послѣднія произведенія изумительны по чистотѣ языка. Чеховскія корректуры свидѣлствуютъ наглядно о громадной терпѣливой обработкѣ стиля. Впрочемъ, поглядите также и на рукописи Пушкина.

У Чехова еще долго будутъ учиться языку русскіе писатели.

Языкъ Толстого напоминаетъ постройку, возводимую великанами: чтобы о ней судить, нужно глядѣть на нее издали. Языкъ Чехова—нѣжное и тонкое плетеніе, которое можно разсматривать и въ лупу.

Часто Чеховъ любилъ говорить: «Знаете что? Въ Россіи черезъ десять лѣтъ будетъ конституція».

Теперь Чехову было бы пятьдесятъ лѣтъ—возрастъ мудрости. Если бы его пощадила судьба, онъ пережилъ бы съ нами и ужасный конецъ войны, такъ волновавшей его предсмертное сознаніе, и дни свободъ, и дни крови, и теперешніе дни—дни усталости, недоуверія, предательства и общественнаго оупѣнія. Богъ знаетъ, какъ отразились бы грозныя, смѣшныя, жестокия, нелѣпыя и печальныя явленія послѣдняго поколѣнія въ его большой и чуткой душѣ. Но пророчество его исполнилось самымъ страннымъ образомъ.

Широкая публика не доросла до Чехова. Часто слышишь, какъ въ библіотекѣ спрашиваютъ: «Дайте что-нибудь посмѣшнѣе, на примѣръ, Чехова». Такъ Чеховъ у публики и слыветъ смѣшнымъ писателемъ. А между тѣмъ въ большинствѣ его

юмористическихъ разсказахъ (за исключеніемъ самыхъ раннихъ) всегда скрыта глубокая и печальная мысль. Развѣ, въ концѣ концовъ, не трагиченъ образъ чиновника, который нечаянно чихнулъ на лысину чужого генерала и умеръ отъ перепуга, или мужика, безсознательно отвинтившаго рельсовыя гайки на грузила и не понимающаго, за что его судятъ? Или, можетъ быть, это ужъ такое свойство русскаго юмора—таить въ себѣ горечь и слезы?

Пути русской литературы всегда были отмѣчены, точно придорожными маяками, внутреннимъ сіяніемъ отдѣльных личностей, душевнымъ тепломъ тѣхъ праведниковъ, безъ которыхъ «нѣсть граду стоянія». Въ этомъ смыслѣ Чеховъ непосредственно примыкаетъ къ скорбнымъ и кроткимъ обликамъ Гаршина и Успенскаго.

Въ смерти Чехова заключался какой-то глубокой символъ настоящей литературной разлуки. Точно, вотъ, ушелъ онъ, и вмѣстѣ съ нимъ исчезла послѣдняя препона стыда, и люди разнуздались и заголились.

Конечно, здѣсь нѣтъ связи, а скорѣе совпаденіе. Однако, я знаю многихъ писателей, которые раньше задумывались надъ тѣмъ, чтобы сказать объ этомъ Чеховъ? Какъ поглядѣли бы на это Чеховъ?

Чеховъ говорилъ о театрѣ такъ: «Лѣтъ черезъ сто—или совсѣмъ не будетъ театра, или онъ приметъ такія формы, какихъ мы даже себѣ не можемъ представить. Въ такомъ-же видѣ, какъ онъ есть теперь, онъ доживаетъ послѣдніе дни».

Странно однажды отвѣтилъ Чеховъ знакомому, который вышучивалъ приемъ спиритизма:

«Я не порицаю, не утверждаю, но и не смѣюсь. Развѣ мы понимаемъ, на примѣръ, настоящую суть телеграфа? Однако, посылаемъ депеши».

А. И. Купринъ.
Новгород. г., имѣніе Батюшкова.

*) «О. Н.»